

Ю. В. ДУБИНИН

**Дипломатическая быль.
Записки посла во Франции**

<Фрагмент>

Хельсинки

У работы в центральном аппарате в Москве свои правила. В посольстве от зарождения инициативы до завершения работы над ее оформлением в виде постановки вопроса перед Москвой время уходит главным образом на предварительную прикидку замысла с местными собеседниками. Для центра это не более, чем исходный материал. Если он представляет интерес, то тем, кто трудится в центре, требуется позаботиться, чтобы предложение попало на все необходимые столы, чтобы по нему были даны соответствующие поручения, чтобы подготовленные проекты решений были доложены начальству. Причем желательно, чтобы это было сделано помощниками начальников не под горячую руку, а в благоприятный момент, а еще лучше с благожелательным комментарием. Это всего лишь один из вариантов. А согласования с коллегами по министерству? А с другими министерствами? Одним словом, эта работа требует освоения того, что принято называть внутренней дипломатией, которая отличается от дипломатии вообще тем, что она труднее.

Кто может оказаться сильнее и влиятельнее в аппаратном раскладе? Тот, кто придумал оригинальную, смелую акцию, новый подход к вопросу? Не обязательно. Вполне возможно, другой — тот, кто первый узнал настроение руководства. Некоторые мастера утверждения собственной значимости, раздобыв сведения о том, что и как требуется наверху, не прочь устроить совещание, «остро» поставить вопросы подчиненным, язвительно покритиковать тех, кто высказывал мнения, идущие вразрез с уже известным им мнением начальства, затем от себя изложить мудрость, услышанную сверху, и потом, когда бумага с такой мудростью получила одобрение, демонстрировать свою гениальность перед посрамленными оппонентами, укрепляя тем самым собственный авторитет.

Я не могу сказать, что все в правилах внутренней дипломатии достойно критики. Многое, вероятно, неизбежно для придания какой-то гармонии работе госаппарата. Кроме того, при удачном сочетании качеств тонкого царедворца с хорошими профессиональными навыками порой получают полезные работники, делающие карьеры. Но у меня с этим бывало немало неприятностей. Я старался и в работе в центре пробивать дела, которые казались мне необходимыми не с точки зрения настроений начальства или требования момента, а с позиций государственного интереса. Это приводило к трениям, особенно со страшим помощником А. А. Громыко, который считал себя едва ли не таким же значимым, как сам министр.

Трудность моя состояла еще и в том, что я не принадлежал ни к одной сложившейся группировке в мидовском аппарате. Я старался строить наилучшие отношения со всеми, но даже с теми, с кем меня связывала близость профессиональных убеждений и замыслов, я был готов к дискуссии, если, как мне казалось, этого требует дело. Правда, я был готов уступить более сильному аргументу.

Главной моей заботой оставалась Франция, наши с нею отношения. Заведует Первым Европейским отделом А. Г. Ковалев¹. Он тоже большую часть времени уделял Франции, искал пути ведения дел с нею по-новому. Его участие в командах ответственных работников партийного и государственного аппарата по подготовке проектов важных документов КПСС помогает формированию подходов к советско-французским отношениям в руководящих кругах.

Много и самоотверженно работает на французском направлении нашей политики В. Кизиченко — будущий посол в Тунисе, С. Шавердян — будущий генеральный консул в Марселе, А. Слюсарь — будущий посол в Греции, А. Глухов — будущий посол в Люксембурге, Н. Афанасьевский — будущий заместитель министра иностранных дел, К. Мозель — будущий руководитель управления культурных связей МИДа².

На отношения с Францией многие в МИДе смотрели косо. Почему? Поди, разберись. Есть элемент простой зависти: в Париж многим бы хотелось поехать, да не многим это удастся. Есть фактор соперничества между разными направлениями нашей политики. Отсюда разговор: что вы, дескать, можете решить с Францией? Другое дело США, без них никуда. Ко всему этому французы в дипломатии непростые партнеры. Они умеют цепко защищать свои позиции, и это тоже не всем и не всегда нравится. Я помню, как А. А. Громыко — человек, которого природа не обделила выдержкой, — в сердцах бросил французскому министру иностран-

ных дел Сованьяргу: «Почему с другими проще договариваться, а с вами всегда так трудно?»

Государственная политика определяется решениями руководства страны. Курс на сотрудничество с Францией к концу шестидесятых годов был закреплён в документах партийных съездов, в многочисленных постановлениях политбюро, французское направление нашей политики было выделено как наиболее перспективное в отношениях с западными странами. Это повышало ответственность в практической работе. От отношений с Францией требовалось добиваться результативности, отвечающей политическим надеждам. Такой результативности, которая, помимо сути дела, давала бы аргументы в борьбе с соперниками и оппонентами у себя же дома. Стремление к этому делало непростыми переговоры с французами, в ходе которых эту результативность требовалось добывать.

Между тем обстоятельства вновь осложнили проведение дальнейших встреч на высшем уровне. Ввод войск в Чехословакию нанес большой урон отношениям Советского Союза с Западом. Французское руководство, дорожившее сближением с Советским Союзом, постаралось амортизировать негативные последствия этой акции в официальном плане. Но во французском общественном мнении, включая и коммунистическое движение, след остался глубокий. В самой Франции Ш. де Голль потерпел поражение на референдуме по реформе конституции и ушел с политической арены. В связи с этим там были проведены досрочные президентские выборы. Со всем этим нельзя было не считаться.

В ноябре 1969 года Ш. де Голль умер. Я сопровождал Н. В. Подгорного, вылетевшего по этому случаю во Францию. В соответствии с пожеланием де Голля его похоронили в Коломбе ле дез Эглиз — небольшой деревне, где находилось его имение³. После официальных мероприятий в Париже мы совершили поездку туда, возложили венок, поговорили с близкими.

Де Голль занял особое место в современной истории Франции. Дважды — в годы второй мировой войны и войны в Алжире он оказывался у государственного руля и выводил страну из глубоких кризисов, хотя и одного было бы достаточно для того, чтобы навсегда остаться в памяти потомков. Имя де Голля французы дали в качестве второго названия знаменитой площади Этуаль, где горит вечный огонь на могиле неизвестного солдата. Возвышающаяся на этой площади величественная Триумфальная арка связана с именем другого небезызвестного человека — Наполеона. Но Наполеон оставил Францию после себя обескровленной и поверженной, а де Голль вывел Францию на первый план созидательной международной политики. При этом не следует опускать

одно важное обстоятельство. Вражда с Россией оказалась роковой для Наполеона. В то же время дружба де Голля с нашей страной помогала возвеличить Францию.

* * *

В октябре 1970 года новый президент Франции Ж. Помпиду нанес официальный визит в Советский Союз. Визит проходил в обстановке позитивных перемен в Европе. Весной 1969 года государства — участники Варшавского Договора обратились ко всем европейским странам с предложением приступить к конкретным действиям по подготовке Общеввропейского совещания. В результате подписания договора между СССР и ФРГ 12 августа 1970 года в европейской политике открывались новые перспективы. Велись переговоры о договоре между ПНР и ФРГ, четырехсторонние переговоры по Западному Берлину. Политическими наблюдателями во Франции и в других западных странах остро ставились вопросы о том, как может впредь складываться советско-французское сотрудничество, каков будет его вес после того, как ФРГ включится в полную меру своих возможностей в процесс нормализации, развития экономических и политических отношений с Советским Союзом. Ставились и вопросы о роли Франции в международных делах вообще.

Большое значение имело в этих условиях отмеченное в печати стремление Ж. Помпиду «делать упор на то, что отставка генерала де Голля несколько не изменила решимости Франции уклоняться от союзов, которые могут оказывать сдерживающее влияние, и что по-прежнему будут открыты окна как на Запад, так и на Восток»⁴.

С советской стороны во время визита было подчеркнуто, что невозможно представить себе современную Европу, ее мирное будущее без советско-французского сотрудничества. Его невозможно чем-то заменить, оно лишь может сочетаться и дополняться мирным сотрудничеством обеих стран с другими государствами.

В принятой по итогам визита советско-французской декларации СССР и Франция заявили «о своем положительном отношении к предложению об общеввропейском совещании и считают необходимым... приступить к активной и всесторонней подготовительной работе как путем двусторонних контактов, так и — как можно скорее — в рамках многосторонних контактов». СССР и Франция подчеркивали готовность «внести свой вклад в усилия по подготовке такого совещания»⁵.

Эта советско-французская договоренность была расценена как открывающая «зеленую улицу» Совещанию и имела большой международный эффект.

Если первые советско-французские контакты на высшем уровне были связаны с началом процесса разрядки, то теперь речь шла о том, чтобы направить, насколько будет возможно, усилия двух стран на развитие этого процесса.

На XXIV съезде КПСС, состоявшемся весной 1971 года, было обращено внимание на важные политические последствия улучшения советско-французских отношений для всего хода европейских дел. Съезд указал на возросшие возможности сотрудничества Советского Союза и Франции и на наличие у двух государств обширной области общих интересов. На съезде была принята программа внешнеполитической деятельности Советского Союза, «Программа мира». Программа отличалась конкретностью и реалистичностью задач, которые наша страна намеревалась осуществить в ближайшие годы. Она была с интересом встречена на Западе.

На осень 1971 года был намечен визит во Францию Л. И. Брежнева. К этому времени я был назначен заведующим Первым Европейским отделом.

Это был первый визит Брежнева в качестве руководителя Советского Союза не только во Францию, но и на Запад вообще. Он был призван стать крупным событием для советской внешней политики. Визиту придавалось особое значение для реализации задачи осуществления коренного переворота к разрядке и миру в Европе.

Если говорить коротко, в Париже имелось в виду сказать новое слово в международных делах. Готовились к визиту основательно и серьезно. Небольшую группу работников ЦК и госаппарата отправили на известную по многим описаниям дачу в Завидово. В нее был включен и я.

В течение всего нашего пребывания в Завидово там был и Л. Брежнев. Примерный план нашей работы согласовывался каждое утро совместно с Л. Брежневым, затем либо вдвоем-втроем, либо каждый в отдельности (нас было совсем немного) мы готовили проекты текстов или иных бумаг. Результаты обсуждались вместе с Л. Брежневым во второй половине дня. Разговоры продолжались и за столом, поскольку все трапезы, включая и утренний завтрак, были общими. Стремились, прежде всего, нащупать и выразить главное политическое содержание визита. Это очень заботило Л. Брежнева. Он активно участвовал в дискуссиях на эту тему, всякий раз возвращаясь к проблеме мира в Европе. Помню, что ему не понравился первый вариант посвященного Европе раздела материалов, написанный кем-то из нашей бригады изысканной дипломатической вязью округлых фраз и профессиональных терминов. У самого Л. Брежнева формулировок взамен не было. Но он говорил о масштабности и драматизме европейской истории, о Европе как о континенте, где рождались всемирно

значимые цивилизации, где возникали и рушились империи, перемещались гигантские людские массы, проносились смерчи насилия и войн. Все это сочеталось у него с воспоминаниями о войне, через которую прошел он сам, и выливалось в повторяемую на разные лады мысль о том, что этой Европе надо, наконец, дать мир и спокойствие, которые она и выстрадала и заслужила.

«Вот мы на фронте мечтали, — пояснял он, — о том дне, когда смолкнет канонада, можно будет поехать в Париж, подняться на Эйфелеву башню, возвестить оттуда так, чтобы было слышно везде и повсюду, — все это кончилось, кончилось навсегда!.. Надо вот так, как-то ярко написать про это. И не просто написать и сказать, а сделать...»

* * *

В конце концов мы решили предложить французам подготовить в качестве основного политического итога визита оригинальный документ — «Принципы сотрудничества между СССР и Францией». Он замышлялся с дальним прицелом не только стать основой советско-французских отношений, но послужить прообразом главного содержания решений Общеввропейского совещания.

Французы дали принципиальное согласие на подготовку проекта «Принципов сотрудничества». Работу эту было решено провести в Москве и полностью завершить до вылета в Париж. Переговорами с самого начала занялся сам А. А. Громыко. Это было большим исключением из нашей практики. Его партнером стал посол Франции в СССР Р. Сейду — опытный дипломат, державший прямую связь в Париже с генеральным секретарем Кэ д'Орсе Эрве Альфаном. Переговоры оказались очень трудными. Дважды они затягивались до 4–5 часов утра.

Главной проблемой было определение набора принципов отношений между европейскими государствами, неукоснительное соблюдение которых было бы необходимо в целях укрепления европейской безопасности. В Москве сложилась твердая позиция, что первым среди этих принципов должен быть принцип нерушимости границ. Причем в наших документах, подписанных с соцстранами, этот принцип не только ставился на первое место, но ему обязательно предшествовал проставленный порядковый номер — «1». Французы были не против упоминания этого принципа, но ни в коем случае не на первом месте. Они соглашались расставить и порядковые номера, но только с учетом того, что принцип нерушимости границ на первом месте стоять не будет.

Проходит время, и, когда сегодня листаешь желтеющие страницы документов уже далеких дней, задумываешься над тщетностью

многих дипломатических баталий, однако дело выглядит совсем иначе, когда политика только рождается и в коротких формулах государства стараются выразить большие и вполне реальные интересы. Именно так случилось с этим спором о месте принципа нерушимости границ: трудно было бы нашему министру доказать политбюро и Л. Брежневу, что Франция стоит мессы, если не будет находиться принцип нерушимости границ там, где хотело видеть его в тот момент советское руководство. А Париж тоже был тверд. Переговоры были горячими, хотя время перевалило далеко за полночь. Под утро тупик был полным и неприятным, поскольку, повторив по нескольку раз самые, казалось бы, убедительные аргументы, стороны иссякли. Вместе с тем, куда же идти в переговорах выше министра? Тогда Р. Сейду — прошедший через пост представителя Франции при ООН и знаток Организации Объединенных Наций, где сложные дела любят сбрасывать в комиссии и подкомиссии, — предложил поручить мне и своему советнику-посланнику уединиться и поискать вдвоем развязку. А. А. Громыко согласился, и мы с посланником отправились в комнату, находившуюся между рабочим кабинетом министра и небольшим приемным залом, где велись переговоры. Было ясно, что спорить и препираться дальше бесполезно, поэтому мы с посланником пили чай и поначалу говорили неизвестно о чем. С этим приходило расслабление, и мозг начал работать не под воздействием указаний и запрограммированной извне воли, а как бы сам по себе, самостоятельно выискивая решение на базе накопленной информации.

— Дорогой мой друг, — сказал я собеседнику, — мне пришла в голову нехитрая развязка: мы снимем порядковый номер «1», стоящий перед принципом нерушимости границ, а вы согласитесь поставить этот принцип на первое место. Для того же, чтобы не «обижать» все остальные принципы, о иерархии которых можно спорить до бесконечности, мы расположим их в столбик, дадим каждому по строчке и перед каждым поставим дефис.

Мой собеседник отхлебнул чаю и сказал:

— Пожалуй. Только давайте спокойно допьем наш чай и не будем спешить к начальству: так наш поиск будет выглядеть солиднее.

А. А. Громыко и Р. Сейду, которым мы доложили результаты своих изысканий, с радостью одобрили их, одобрило их и руководство двух стран. В документе изложение принципов выглядело следующим образом:

- нерушимость нынешних границ;
- невмешательство во внутренние дела;
- равенство;
- независимость;

— отказ от применения силы или угрозы ее применения.

Вскоре после визита, выступая в Варшаве в декабре 1971 года, подчеркнув важность проведения Общеввропейского совещания и процитировав приведенные выше принципы, Л. И. Брежнев, заявил: «На наш взгляд, все государства и народы Европы только выиграли бы, если бы подобные принципы стали общепризнанной нормой международной жизни во всей Европе»⁶.

Кстати, на самом Общеввропейском совещании, после нескольких лет споров, какой из принципов важнее, участники пришли к выводу, что все они имеют равное первостепенное значение.

В Москве же в те непростые ночи нас с посланником еще несколько раз отправляли на чаепитие за поисками развязок, но по менее значимым вопросам.

Подготовленным в конце концов документом в столицах двух стран были довольны. В Париже его подписанию было решено придать максимальную торжественность. Однако заведующего договорно-правовым отделом, который обычно готовит такие церемонии и подает документы на подпись, А. А. Громыко в Париж почему-то не взял. В Париже, накануне подписания, А. Громыко пригласил нас в свою квартиру в посольстве для обсуждения текущих дел и в конце разговора вдруг спросил меня:

— Дубинин, а где ставится подпись нашего представителя под документами?

— На нашем альтернате, с левой стороны.

— Вот вам лист бумаги, — не унимался министр, — покажите это место пальцем.

Я показал. После такого экзамена мне последовало указание подавать на следующий день документы на подпись.

В тот же день вечером я воспользовался приемом в нашем посольстве, чтобы сообщить об этом шефу протокола Кэ д'Орсе, который выступал в такой же роли с французской стороны, и попросил его помочь мне как новичку, а быть может, даже устроить небольшую репетицию непосредственно на месте, в Елисейском дворце, перед подписанием. Он, конечно, согласился.

— Кстати, — заметил я, — как будет с ручками для подписания?

Тут мой француз гордо вскинул голову и суховаато произнес:

— Что за вопрос? Вы — гости Франции!

Я поспешил поблагодарить. Однако, отойдя, я тотчас подозревал нашего советника И. А. Большагина и сказал ему:

— Подписание «Принципов» состоится завтра в 11 часов. С утра зайдите в магазин, купите пару приличных ручек, проверьте, пишут ли они, и заранее приезжайте к Елисейскому дворцу. Я договарюсь, чтобы вас пропустили в зал подписания. Устройтесь

где-нибудь за шторой и следите за мной. Если я подам вам знак, подойдите ко мне с ручками.

Я и сейчас не готов объяснить, почему я так поступил. Просто подчиняясь какому-то внутреннему импульсу, желанию ничего не упустить в новом для меня задании.

Следующий день начался с беседы в Елисейском дворце в расширенном составе, затем перед самым подписанием был небольшой перерыв, и шеф французского протокола пригласил меня в зал подписания для репетиции. Зал был ослепительно освещен. Специально устроенная трибуна напротив стола, за которым должны были расположиться Л. Брежнев и Ж. Помпиду, была переполнена журналистами, телекамеры и фотоаппаратура наготове. Одним словом, «театр уж полон»...

— Вот, Дубинин, место Брежнева, — элегантно показал мой коллега, — вот — Помпиду. После того, как каждый из них поставит первую подпись..., — и далее следовало разъяснение классического пируэта, который принято исполнять в таких случаях, передавая папки с документами для подписи руководителям государств.

— Вот и все, мой дорогой друг, — закончил мой собеседник с легкой улыбкой, которая как бы говорила: все очень просто, не так ли?

— А что ручки? — спросил я.

— Так вот же они. — Француз показал на две стоявшие на столе ручки.

— Но пишут ли они?

Шеф встрепнулся, как от чего-то досадного, но все-таки вынул из кармана листок бумаги и взял первую ручку. Увы, она не писала. Видимо, слишком долго в Елисейском дворце не было нужды в ее услугах. Лицо француза начало бледнеть. Он нервно взял вторую ручку. Она тоже не писала. Он взглянул на меня обмякший и растерянный. В это время юпитеры засветились еще ярче: в зал входили руководители и все, кто был вместе с ними.

— Ничего страшного, — сказал я. Обернулся и подал знак выглядывавшему из-за шторы И. Большагину. Тот вышел из своей засады, бодрым шагом подошел к столу и поставил на стол две закупленные им ручки.

Шеф французского протокола смотрел на это, как на чудо. Но Л. Брежнев и Ж. Помпиду уже за столом, уже «скрипят» ручки. Мы передаем папки, следуют рукопожатия, аплодисменты, залпы фотовспышек и сразу команда: по машинам, в аэропорт! У меня в руках наша папка с текстами, я набрасываю плащ и вдруг вижу, что тоже торопящийся привратник Елисейского дворца уносит ручки к себе. Наши ручки! Нет, так дело не пойдет. Я объ-

ясняю ему ситуацию, исходя из незыблемого принципа частной собственности, засовываю эти ставшие сувенирными орудия труда дипломатов и политиков в карманы и вскакиваю в уже начинающую движение машину. И снова в путь...

* * *

<...>

В июле 1973 года, когда в Хельсинки собрались министры иностранных дел государств — участников Совещания, я был в числе сопровождавших А. А. Громыко.

Задача этой встречи в Хельсинки состояла в принятии документа под названием «Заключительные рекомендации консультаций в Хельсинки», в обиходе Совещания названного по цвету его обложки Синей книгой. В Синей книге на трех десятках страниц были определены правила процедуры Совещания, исходившие из фундаментального принципа — решения принимаются на основе консенсуса, то есть при отсутствии какого бы то ни было возражения, высказываемого каким-либо государством-участником.

В этом документе было определено, что Совещание проводится в три этапа. Первый — сама встреча министров в Хельсинки. Второй, в Женеве — работа делегаций всех государств-участников над подготовкой проектов заключительных документов Совещания. Наконец, третий, заключительный этап был призван одобрить подготовительные проекты заключительных документов.

<...>

К июню 1975 г. удалось в принципиальном плане решить и такой важный для исхода Совещания вопрос, как уровень представительства на третьем, заключительном его этапе.

Советский Союз с самого начала имел в виду, что финалом Совещания должна стать встреча руководителей участвовавших в нем государств. Не знаю, каковы были внутренние, скрытые от мира позиции на этот счет в других государствах. Но известно другое. Кто в дипломатических переговорах произносит первое слово, кто берет на себя инициативу предложить что-либо другим, а стало быть, обратиться к ним с просьбой сказать «да» его предложению, пусть даже не менее выгодному для них, чем ему самому, тот в глазах партнеров неизбежно становится просителем. И поскольку «это» для чего-то ему нужно, заявитель должен «заплатить» за согласие с ним. Так получилось и с советской идеей завершить Совещание на высшем уровне. Наши западные партнеры пустились в затяжные дипломатические маневры. Дескать, надо взвесить, стоит ли высоким лицам утруждать себя дополнительным перемещением. Прежде надо оценить резуль-

таты. В общем-то и в Москве мыслили примерно так же. Только под результатами на Западе, естественно, понимались прежде всего подвижки со стороны Советского Союза в тех вопросах, которым наши партнеры придавали особое значение. Эта тактика, а может быть, и больше, чем тактика, настолько увлекла делегации многих стран и дипломатические ведомства, руководившие ими, что стала напоминать азартную игру. Во всяком случае, к концу 1974 г. стало очевидным: ни на уровне делегаций, ни на уровне министров иностранных дел положительного решения нам не добиться.

Брешь в этой глухой стене удалось пробить с помощью Франции. Точнее, при содействии ее тогдашнего президента В. Жискара д'Эстена. Он раньше всех других западных лидеров увидел, что ставшие к концу 1974 г. достаточно ясными возможные политические итоги Совещания и их значимость для будущего неизмеримо важнее, чем какие-то отдельные дополнительные уступки со стороны Советского Союза, за которые продолжали вести яростный бой делегации западных стран в Женеве. В. Жискара д'Эстен склонялся к тому, чтобы прекратить торг с Москвой насчет уровня проведения третьего этапа Совещания, пойти навстречу Советскому Союзу в том, что этот этап должен быть проведен при участии руководителей государств-участников. В этом французский президент кардинально разошелся со своим собственным министром иностранных дел Ж. Сованьяром, с Кэ д'Орсе в целом и, конечно, с французской делегацией на Совещании, увлекавшейся всякого рода тактическими увязками и комбинациями.

Произошел этот прорыв при следующих обстоятельствах. На начало декабря 1974 г. был запланирован визит Л. Брежнева в Париж — первая встреча советского лидера с В. Жискара д'Эстеном. В Москве чувствовали, что он готов сделать какой-то политический жест в отношении Л. Брежнева, предполагали, что этот жест мог касаться Совещания. В этой связи в нашу концепцию визита — меня вызвали в Москву для его подготовки — мы заложили в качестве главной цели задачу добиться от французского президента согласия на проведение третьего этапа Совещания на высшем уровне.

Что касается французской дипломатии, то она, будучи еще лучше нас осведомленной о настроениях собственного президента, постаралась сделать все возможное, чтобы помешать его задумке. Ситуация, прямо скажем, исключительная. Заградительный огонь развернула и французская печать. В. Жискара д'Эстену публично давались советы не уступать в вопросе об уровне завершающего этапа Совещания. Так, газета «Котидьен де Пари» писала: «Жискара д'Эстен явно хочет внести новизну в этот вопрос, отклоняясь от линии Запада, подобно тому, как поступил де Голль по поводу

НАТО. Этот жест, если президент его сделает, повлечет меньшие последствия. Но достаточно вспомнить о препятствиях, создававшихся со стороны Ж. Помпиду ходу совещания, чтобы понять, какое удовольствие глава государства, быть может, намеревается доставить господину Брежневу»*.

Оригинальный маневр с целью «обезвреживания» надвигавшейся угрозы был предпринят и со стороны Кэ д'Орсе. Накануне визита со стороны французского министерства последовало приглашение мне прибыть в Париж, чтобы заранее согласовать текст заключительного коммюнике. Москва, разумеется, откликнулась положительно, и вот я в кабинете одного из моих хороших знакомых, директора европейского департамента К. Арно. Он — сама любезность. Текст проекта коммюнике легко и быстро стелется по бумаге. Вместе с тем обращает на себя внимание особый интерес моих французских партнеров гладко написать раздел коммюнике, посвященный Совещанию. Я вчитываюсь в предлагаемую формулировку. Она полна изящных слов, одно лучше другого. Витиевато говорится и о заключительном этапе, но так, что глазу зацепиться не за что. Все мило, но только общие слова. При других обстоятельствах можно было бы с ходу согласиться. Однако перед нами задача добиться прорыва, четко записать, что третий этап будет этапом высшего уровня. Вместе с тем именно этого-то и нет в предложениях моих коллег. Вступать в спор? Я уверен, что это бесполезно. Предлагаю им этим разделом коммюнике не заниматься вообще. Партнеры разыгрывают недоумение.

— Помилуйте, как же не заниматься? Ведь это же сейчас главное!

— Тем более. Оставим главное самим руководителям.

Следуют уговоры, аргументы, еще более утонченные формулировки, которыми готовы заменить свои же собственные. Звучат и упреки, стенания, дескать, за проект коммюнике с такой недоработкой начальство по головке не погладит.

Расчет моих коллег прост: пойти далеко навстречу, не уступая в главном, чтобы затем представить собственному президенту проект, как удовлетворяющий Москву, в силу чего, мол, никакого другого движения в сторону Советского Союза не требуется. В общем-то шито белыми нитками, но оборону держать приходится против такого сложного вида дипломатического натиска, как натиск улыбок и учтивости. И все-таки ко времени начала бесед Л. Брежнева и В. Жискара д'Эстена проект блистал пробелом на месте, предназначенном для Совещания.

* «Le Quotidien de Paris», 7–8. XII. 1974.

Переговоры руководителей двух государств состоялись все в том же замке Рамбуйе⁷. Не помню всех деталей программы, но для данного сюжета важно то, что В. Жискар д'Эстен предложил Л. Брежневу уединиться, захватив с собой министров иностранных дел, К. Арно и меня, а также переводчиков — с нашей стороны им был Н. Афанасьевский, с французской — уже известный князь Андронников.

Мы перешли в небольшой салон. Его стены покрыты деревянными панелями с изображениями охотничьих сцен. Большие кресла. Кофе, чай.

Французский президент заводит разговор о Совещании. Он прямо ставит вопрос, как видит Л. Брежнев раздел коммюнике по этой теме. Разговор между лидерами двух стран. Долгий разговор двух людей совершенно различного воспитания и жизненного пути, а главное — различной школы мышления. Л. Брежнев хорошо знал, чего хотел, но оперировал определениями общего характера, которые не втиснешь в каноны дипломатического коммюнике. В. Жискар д'Эстен с его картезианской строгостью мысли ждал формулировок. Он держался свободно. Внимательно вслушивался в перевод. Время же, заполнявшееся русской речью, использовал для того, чтобы любоваться великолепной резьбой на дубовых панелях, покрывавших стены. А. Громыко проявлял фантастическую выдержку. В разговор он включался короткими репликами только тогда, когда к нему прямо обращался Л. Брежнев или когда его коллега Ж. Сованьярг пытался подбросить что-нибудь совсем несносное. Его спокойствие и невозмутимость поражали. У меня было больше чем достаточно времени для того, чтобы с учетом услышанного обдумать формулировку, которая, казалось, могла решить проблему. Я написал ее по-французски. Улучив момент, я попросил разрешения у А. Громыко предложить ее французам. Тот согласился. Л. Брежнев промолчал. Я зачитал совсем короткий текст. Едва я умолк, как выскочил князь Андронников.

— Не знаю, как по существу, — небрежно произнес он, — но фраза не годится с точки зрения французского языка.

К счастью, кроме князя был президент. Повернувшись в сторону Андронникова, он не спеша произнес:

— А по-моему, это хороший французский язык, и вообще формулировка подходящая.

Лидеры кивнули друг другу. Пробел в коммюнике заполнили словами: «...созданы хорошие предпосылки для завершения совещания в кратчайший срок, для проведения его третьего этапа и подписания заключительных документов на высшем уровне».

Выходим к другим членам делегаций. Те — и наши, и французы — спешат за новостями. В. Жискард д'Эстен прощается. Проходя мимо меня, роняет: «Если что, дайте знать».

Легкой походкой он спускается по лестнице. Садится за штурвал стоявшего на внутренней лужайке замка вертолета и через каких-то пару минут взмывает вверх, удаляясь в сторону Елисейского дворца в центре Парижа.

У оставшихся чувства, что называется, смешанные. У хозяев, а большинство их с Кэ д'Орсе, улыбки, вырубленные в камне. Их можно понять. У нас — понимание масштабного дипломатического успеха, но об этом и заикаться неловко. Перед ужином Ж. Сованьяргу сделалось плохо. Французского врача не оказалось. К счастью, академик Е. Чазов был, как всегда, наготове и во всеоружии...

<...>

* * *

Работа наша напоминала не просто восхождение на вершину, пусть даже и очень высокой категории трудности, а пересечение целой горной страны. Не успевали мы спуститься в долину, оставив позади одну горную цепь, как перед нами вставали новые кручи, требовавшие новых подъемов. Теперь необходимо было дату 30 июля из даты «целевой» превратить в дату окончательную. Заметьте, что было уже 14 июля. Наступил цейтнот, и флажок на отсчитывавших время часах пополз вверх.

Проблем оставалось много. Особенно в военной области. Решено было, что помимо еще работавших комиссий координационный комитет будет заседать ежедневно, проводя помимо дневных и ночные заседания, с тем чтобы не позднее 18 июля определить окончательную дату. Наши жены — Москва разрешила в виде исключения из существовавших тогда правил их приезд в Женеву — исправно снабжали нас после полуночи бутербродами и термосами с чаем.

Советская делегация многократно обращалась с призывом отказаться от попыток добиться под занавес односторонних уступок и преимуществ. Увы, это был глас вопиющего в пустыне. Именно в эти дни на поверхность вышла еще одна конфликтная ситуация, на этот раз связанная с Кипром.

Еще в конце марта 1975 г. делегация Турции поставила под сомнение правомочность кипрской делегации представлять Республику Кипр на Совещании. Свою позицию Турция аргументировала тем, что эта делегация представляет не государство Кипр, а только греческую общину⁸. Из такой посылки делался вывод о том, что нельзя обойти молчанием серьезную проблему воз-

мощного незаконного участия руководителей греческой кипрской общины или их представителей на третьем этапе Совещания. Далее следовала концовка: «...если не в самое ближайшее время, то, по крайней мере, до окончания второго этапа должны быть приняты во внимание в интересах успешного завершения нашей работы серьезные осложнения, созданные этой проблемой».

Диспозиция развернута. Речь шла о том, что Турция будет возражать против участия архиепископа Макариоса в работе третьего этапа Совещания, и этот вопрос они предлагают рассмотреть до окончания женевского этапа. В мае последовало уточнение: Турция хотела бы, чтобы делегацию Кипра на третьем этапе возглавил какой-либо иной представитель Кипра, а содержание высказываний, которые будут им там сделаны от имени Кипра, было бы согласовано между представителями турецкой и греческой общин.

Делегация Кипра отклонила турецкую позицию, подчеркнув, что она не даст никому возможности вмешиваться в вопрос о представительстве Кипра на третьем этапе. У Кипра к тому же был свой счет к Турции. Глава кипрской делегации А. Мавроматис говорил, что одобрение решений Совещания со стороны Кипра вместе с Турцией, т. е. участие Кипра в консенсусе вместе с Турцией — страной, которая нарушила в ходе Совещания те принципы, которые Совещанием вырабатываются, — представляет определенную проблему для правительства Кипра и его общественного мнения. Для того, чтобы решить эту проблему, считал он, важно было бы, чтобы Совещание отвергло попытки Турции вмешиваться во внутренние дела Кипра. Макариос твердо решил участвовать в работе заключительного этапа лично. Делегация Греции со всей энергией поддерживала Кипр.

Кости брошены. Совещание оказалось в сложном положении. С середины июня конфликт превратился в открытый и постоянный. Без жарких схваток по этой проблеме не обходилось ни одно серьезное обсуждение, связанное с окончанием Совещания. Причем каждая из сторон стремилась добиться от Совещания решения в ее пользу, но ни одна из попыток сформулировать какое-либо решение не проходила.

Наша делегация исходила из принципиальной позиции Советского Союза в пользу территориальной целостности и независимости Кипра, поддержки его законного правительства. Вопрос о представительстве Кипра мы считали искусственным, полагая, что его должно было решать само правительство Кипра. Позицию свою мы не скрывали, но стоило нам сказать хоть слово в этих дискуссиях, как число участвовавших в них незамедлительно расширялось за счет представителей какой-нибудь из натовских стран, что было делом привычным по тем временам. Развязки это не несло.

Совещание между тем привлекало все большее внимание не только руководства стран, в нем участвовавших, но и все большего числа других стран, международного общественного мнения. В фойе постоянно дежурило множество журналистов в ожидании новостей о его окончании. 18 июля струна, казалось, натянулась до предела, но прошел и день, и ночь этой даты, а конца второго этапа не наступило. Даже терпению репортеров приходил конец.

20 июля А. Ковалев получил предписание срочно прибыть в Москву. Вылет был намечен на утро 21 июля.

Весь день 20 июля, как обычно, шла напряженная работа координационного комитета. Вся наша делегация была в зале заседаний. Председательствовал глава делегации Турции. Это обстоятельство имело для нас существенное значение. Дело в том, что в соответствии с правилами процедуры Совещания председательство на нем осуществлялось поочередно всеми делегациями в течение одних суток в порядке французского алфавита, причем председательствование переходило к следующей делегации в полночь. Советский Союз следовал в порядке французского алфавита сразу за Турцией, что означало, что в полночь председательское кресло должно было перейти от Турции к нам. Дискуссия в зале шла жаркая, и чем ближе стрелки часов приближались к двенадцати ночи, тем очевиднее становилось, что заседание будет продолжено и заполночь с коротким перерывом для смены председателя.

А. Ковалев оставался на заседании до полуночного перерыва. Однако затем, посоветовавшись с членами делегации, он решил передохнуть перед дорогой и отправился домой в полной убежденности, что надежды на завершение работы Совещания не было никакой. В связи с его отъездом руководство делегацией, а стало быть, и председательствование на Совещании было поручено мне.

Где-то в начале первого ночи я объявил начало нового заседания, которое по сути было продолжением предыдущего, а точнее, длинной череды непрерывных бдений. Мы условились в делегации, что в случае необходимости выступления от имени Советского Союза по существу обсуждаемых вопросов, это будет делать Л. Менделевич — член нашей делегации и, несомненно, один из опытейших советских дипломатов. Это была общепринятая на Совещании практика для председательствовавшей делегации. Лев Исакович занял на председательском подиуме место рядом со мной и еще одним нашим дипломатом.

Повестка дня включала много разнообразных вопросов, все еще стоявших на пути завершения женевского этапа Совещания.

С самого начала я постарался задать максимально динамичный темп работы. Сама по себе эта задача деликатная. Дело в том, что

председательствующий не располагает никакими властными полномочиями. Оставаясь во всех отношениях равным со всеми остальными руководителями делегаций, он лишь как бы отдает себя в их распоряжение для того, чтобы, действуя в рамках правил процедуры и сложившихся традиций, обеспечивать необходимый порядок ведения заседания. При этом неэтично ни проявление какого-то политического или иного пристрастия с его стороны, не навязывание совещанию или каким бы то ни было делегациям своего мнения. Однако и при этих условиях возможности влияния на ход заседания у председателя имеются, и немалые. Точным ведением дискуссии он может избавить его от процедурных осложнений, в его руках немало средств способствовать деловому тону работы, вовремя способствовать смягчению страстей, если они возникают. Наконец, в его руках право — и это даже больше, чем право: этого ждут от него — предлагать коллегам решения по обсуждаемым вопросам, выводить заседание из трудных ситуаций. Мерило его действий — реакция аудитории. Малейшие недочеты или оплошности в действиях председателя незамедлительно становятся предметом замечаний из зала. На любом форуме находятся дипломаты, которые на знании нюансов процедуры делают себе репутацию, и председательствующий постоянно находится под надзором их бдительного ока.

Но в ту ночь с 20 на 21 июля я с удовлетворением отмечаю, что коллеги мои не только не протестуют, но и охотно втягиваются в энергичный ритм. Мы сбрасываем один вопрос, другой, третий — много, в том числе и выбор Белграда в качестве места первой после Совещания встречи представителей государств-участников. Наконец, мы оказываемся лицом к лицу с кипрским вопросом. Время — далеко за полночь. Усталость делегаций очевидна. Но дискуссия вокруг этой проблемы вспыхивает с той же силой, как десять, двадцать, множество раз до этого.

Представитель Турции... Представитель Кипра... Представитель Греции... Кто-то еще. Значит, говорить и нам. Выступают Л. И. Менделевич. Не может, не должно быть даже попыток приостановить эту столь обычную перепалку. Любая такая попытка председателя вызовет удар по нему со стороны той делегации, которая сочтет себя ущемленной. Я ограничиваюсь стандартными фразами: «слово предоставляется уважаемому представителю...», «благодарю уважаемого представителя...» и т. д. В то же время у меня нарастает напряжение: рано или поздно все желающие выговорятся. Воцарится молчание. У всех в который раз встанет вопрос: «А как же быть? Где развязка? Где выход из тупика, блокирующего окончание работы?»

Хорошо, если кто-нибудь вдруг предложит проект решения (наконец-то), с которым согласятся конфликтующие стороны. Но почему это должно случиться в эту ночь, если не случилось в течение многих предшествующих месяцев работы? Надежды никакой.

Скорее всего, в той тишине, которая последует за схваткой, взоры всех устремятся на председателя, ожидая, что, может быть, избавление придет от него. Но у меня нет никаких заготовок. И не потому, что еще какие-то три-четыре часа назад я и не помышлял, что окажусь на председательском кресле перед таким испытанием. Ничего не заготовлено, потому что ни наши делегации, никто другой не придумали ничего, дающего выход. Я жадно вслушиваюсь в перебранку делегатов в расчете уловить хоть какой-то новый поворот мысли, какой-то сигнал, ухватившись за который можно было бы составить какой-нибудь текст, способный получить консенсус. Но ничего подобного из зала не доносится. Известные, непримиримые позиции. Все тот же набор аргументов. Ситуация, которая рискует через какое-то количество минут превратиться в стандартный эпилог: «никакого решения не найдено, вопрос остается в повестке дня, следующее заседание состоится»... И тогда опять конца Совещания не видно. Печально. С этим не хочется мириться...

И вот наступает тишина. Оглядываю зал. Никто больше не просит слова. Предложений тоже нет. Объявить перерыв? Скажем, минут на тридцать. Но на часах начало четвертого утра. Делать такое предложение в таких условиях было бы обосновано только тогда, когда есть надежда, что перерыв что-то принесет. Но откуда она, эта надежда? Нет, лучше постараться разрубить узел с ходу. Пусть даже необычным способом.

Пододвигаю микрофон. Говорю:

— Уважаемые коллеги. Все вы слышали все, что здесь только что было сказано.

Пауза. Кто же с этим не согласится? Все всё действительно слышали. Это бесспорно. Продолжаю:

— Предлагаю перейти к следующему пункту повестки дня.

Председательский молоток уже занесен на виду у всех. Я опускаю его через несколько секунд, необходимых для того, чтобы мои слова были переведены синхронными переводчиками на остальные пять рабочих языков совещания.

Полная тишина в зале сменяется нарастающим шумом. Застывшие было делегаты приходят в движение.

Я еще в напряжении. Нет ли поднятой руки с протестом против такого решения, вернее, против такой развязки остро конфликтной ситуации, не оспаривает ли кто, что консенсус был, что проблема осталась позади?

Но нет, я вижу по лицам, что это гул удовлетворения. Это дает мне право предложить перейти к следующему пункту повестки дня — предпоследнему пункту: одобрение проекта Заключительного акта Общеευропейского совещания со всеми самыми последними к нему дополнениями.

Этот документ — теперь его знает весь мир, — только накануне сведенный вчерне воедино в толстый, многостраничный кирпич в мягкой обложке, принесен представителем исполнительного секретариата. Я показываю многим десяткам дипломатов, сидящим в зале, плод их многолетнего труда, результат усилий министерств иностранных дел, правительств, руководителей 35 стран Европы и Северной Америки, усилий народов этих стран. Его обложка зеленого цвета — это зеленый свет третьему этапу.

«Нет ли возражений против принятия нами этого проекта и представления его на утверждение на высшем уровне в Хельсинки?»

Одобрительные голоса.

Удар молотка! Очень сильный! Как выдержала ручка?! Второй этап общеευропейского совещания завершен. На пути в Хельсинки больше нет никаких препятствий.

Последний пункт нашей повестки дня я предлагаю снять. Он предполагал торжественную церемонию закрытия второго этапа Совещания. Для чего она, эта церемония? Торжество будет в столице Финляндии, в Европе, и больше чем в Европе.

Все соглашаются со мной.

В вышедшей в Италии книге «Дневники переговоров (Хельсинки — Женева — Хельсинки, 1972–75)» про финал нашей работы будет написано: «Ввиду позднего времени не было поздравительных речей, за исключением выступления представителя Святого престола. То, что было, однако, у всех на уме, это то, что после 22 месяцев работы переговоры в Женеве завершились наилучшим образом. Воды Женевского озера еще не успокоились, однако было ощущение, что хорошо, что все разногласия во всем объеме вышли наружу именно на втором этапе СБСЕ: ведь в ходе его запальный шнур был разрублен ради мирного завершения Совещания в Хельсинки, на котором действительно сосредоточилось бы внимание всего мира»*.

Правильно будет написано. А пока мы все еще в Женеве. Выходим из зала заседаний в фойе. То самое, где в течение стольких дней и ночей нас поджидали многочисленные журналисты. Там

* «Дневники переговоров (Хельсинки — Женева — Хельсинки, 1972–75)», стр. 581–582.

пусто. Совсем разуверились. Потеряли надежду. Даже самые стойкие и прозорливые не думали, что эта ночь может стать последней в столь длительном и изнурительном дипломатическом созидании.

Но нет. Вот кто-то появляется из дальнего конца фойе. Протирая глаза, приближается ко мне.

Это наш! Женевский корреспондент агентства ТАСС. Самый упорный в мире! Какой молодец!

— Ну как, Юрий Владимирович, когда следующее заседание?

— Все кончилось, — отвечаю. — Теперь надо ехать в Хельсинки.

Не верит. Неуверенно уточняет:

— И об этом можно сообщить?

— Конечно же, сообщайте. Я еду писать телеграмму в Москву.

Журналист исчезает. Итак, Телеграфное агентство нашей страны оказалось не только первым, но и единственным обладателем информации, которая интересовала весь мир. В этой связи мне рассказали позже следующее. Мы уже знаем: в Москве вестей из Женевы ждали с нетерпением. Ими интересовалось высшее руководство. Поэтому, как только тассовское сообщение поступило в столицу, его немедленно доложили руководителю ТАСС с вопросом, как им распорядиться. Это означало прежде всего — как доложить Л. Брежневу, ну и, конечно, передавать ли на весь мир. Последовал вопрос: что сообщают другие агентства? Проверили. Оказалось, ничего. Так что же, имеется только сообщение ТАСС? Да, только это. Случай показался столь необычным, что последовало указание: проверить в МИД правильность информации. Действовать только после этого. Но это к слову. Женевский корреспондент ТАСС был награжден орденом.

Вернемся, однако, в Женеву. Быстро попрощавшись с коллегами, мы спешим в представительство. Шифровальщик обычно ждал возвращения делегации. Я написал краткую телеграмму: 21 июля в 3 часа 45 минут второй этап Общеευропейского совещания завершил свою работу. Подумав, добавил: под председательством делегации СССР. Какую же поставить подпись? Формально руководство делегацией уже поручено мне, но Ковалев еще в Женеве. Будить его не хотелось. Зачем? Поставил подпись: А. Ковалев. Сказал, чтобы отправили немедленно.

Утром нам предстояло проводить А. Ковалева в аэропорт, и мы отправились к себе передохнуть несколько часов.

Захваченный с заседания молоток остался лежать на рабочем столе.

За утранным завтраком я рассказал А. Ковалеву о нашей бурной ночи.

Из аэропорта все мы — члены делегации — заехали в представительство. Нам оставалось сделать в Женеве совсем немного: отправить телеграмму с кратким изложением последних событий, собраться, дожждаться спецсамолета, который должен был прибыть за нами, и, как говорится, снять лагерь. По дороге из аэропорта мы обратили внимание на то, что, оказывается, стояла превосходная летняя погода.

Однако едва члены делегации расселись за столом, как заговорил Л. Менделевич. О прошедшей ночи и баталии вокруг кипрского вопроса.

«Чем больше я думаю, — заявил он, обращаясь ко мне, — тем больше утверждаюсь во мнении, что в итоге вчерашнего обсуждения можно было найти и провести решение, в большей степени благоприятствующее позиции Кипра».

Вот так сюрприз! Женевский этап совещания закрыт. В столицах несомненное удовлетворение. Об этом через час-другой зашумит печать всего мира. Делегации собирают чемоданы. И вдруг такое заявление! И даже больше, чем заявление: поставлен вопрос о том, что мы не все сделали для государства, позиция которого была нам понятна...

Как быть? Мои коллеги опустили головы. Отвечать надлежит мне. Председателем был я, и за главу делегации остался я, деваться некуда. Но что ответить?

Можно сказать, что успех Совещания даст столь положительный эффект, что это поможет решению всех проблем, в том числе и кипрской. Но это Лев Исакович знает и сам.

Или сказать, что мы же все были там вместе. Что же махать-то кулаками после драки.

Но для такой резкости должны быть сомнения в искренности Льва Исаковича, подозрения в том, что, ставя этот вопрос, он ищет чего-то иного, кроме наилучшего результата для нашей дипломатии. Нет, это не годилось. Лев Исакович — дипломат огромного опыта. В Женеве он вынес на своих плечах основную тяжесть разработки принципов взаимоотношений между государствами — участниками Совещания. И, наконец, он был ответственным за кипрский вопрос. Не годятся все эти варианты.

— Хорошо, — говорю. — Заседание позади, и Совещание закрыто. Но одна зацепка для продолжения действий здесь в Женеве все-таки еще остается. Она в том, что я, как председатель заседания, еще не подписал его протокол.

Действительно, практика предусматривала такую формальность, как подписание председателем протокола заседания. Это была именно формальность, так как в протокол вносился минимум сведений о заседании и его решениях, и, насколько я помню,

никогда никаких проблем с этой операцией на Совещании не возникало. Но в то же время, говоря строго юридически, до тех пор, пока протокол не подписан, председатель мог ставить вопрос о том, что заседание не закрыто, и поднимать вопрос о его возобновлении до истечения срока своих полномочий, т. е. до полуночи.

— Так вот, опираясь на эту формальность, я могу постараться возобновить заседание где-то во второй половине дня, но для этого надо иметь хоть какую-то минимальную уверенность, что подобная экстравагантность может быть оправдана.

Я вижу, что этот разговор рассеял усталость моих коллег.

— Для этого, Лев Исакович, я предлагаю вам срочно встретиться с главой кипрской делегации. Один на один. Выяснить, чего бы он хотел добиться. Дайте обещание, что наша делегация сделает все, чтобы помочь достичь того, чего он пожелает в сложившейся ситуации. Я же назначу на несколько более поздний час встречу с главой делегации Турции, послом Бенлером (я хорошо знал его) с тем, чтобы еще до заседания обсудить возможные варианты.

Дерзкий это был ход. Подобный внезапному ответному удару фехтовальщика не без риска для него самого. Но другого выхода не было. Я предложил членам делегации высказаться по предложенному плану. Все согласились. Мы разошлись в ожидании новостей после разговора Л. Менделевича с Мавроматисом. Заключительную телеграмму, стало быть, писать было рановато.

Прошла пара долгих часов. Наконец, последовал сигнал: Мавроматис, приглашенный к нам в представительство, уехал. Мы снова все вместе в кабинете. Все внимание к тому, что скажет Лев Исакович. Он, несколько смущенный:

— Мы говорили откровенно, — произносит он глуховатым голосом, — с разных сторон анализировали обстановку.

Говорили долго. Мавроматис сказал в завершение: исход вчерашнего заседания — наилучший из всех вариантов для Кипра, и ничего другого делать больше не следует.

Мудрый человек Мавроматис! Гора с плеч! Я даю отбой встрече с послом Турции. Мы отправляем телеграмму в Москву, не отягощая ее подробностями. Расходимся. Время запаковать и памятный председательский молоток. Но куда он запропастился? Не могу найти. Спрашиваю нашего ответственного секретаря, не видел ли он его. Тот, смешавшись, приносит молоток из своего кабинета. Немного сконфуженно объясняет, что, дескать, у него были свои планы насчет этого сувенира. Все бывает. Сейчас этот деревянный молоток пылится в моем кабинете и вызывает немалое любопытство внука, который норовит использовать его по, казалось бы, прямому назначению: забить им гвоздь.

Самолет уносит нас на Родину.

* * *

<...>

При всей остроте дипломатических схваток и драматичности ситуации в ходе Совещания превалировала вера в его успех. Может быть, с этим была связана и забота о том, чтобы загодя собрать кинематографический материал, имея в виду создание в дальнейшем документального фильма о Совещании. Не знаю, где родилась такая идея — в Москве или у А. Г. Ковалева, — но ближе к концу второго этапа Совещания в Женеву на длительное время приехал один из известных кинорежиссеров с тем, чтобы запечатлеть ход дел в их развитии. Как водится, при разработке сценария кто-то тщательно рассчитывал, на кого из участников и в каких обстоятельствах сколько киноплёнки использовать, кому сколько экрана отмерить, кого показать крупным планом, кого мельком.

Кинорежиссер был оформлен как сотрудник делегации, что ставило его в привилегированное положение перед братьями по профессии, позволяя присутствовать на заседаниях, куда кинорепортеры и журналисты не допускались.

В то памятное ночное заседание, которому было суждено стать последним перед встречей в Хельсинки, наш кинорежиссер находился в зале, что я случайно обнаружил во время заседания, скользнув в какой-то момент взглядом по рядам, далеко отстоявшим от мест для советской делегации...

Документальный фильм о Совещании был сработан в кратчайшие сроки. В нем трудно было обойтись без того финального эпизода с предварительным одобрением Заключительного акта, о котором шла речь выше. Эта проблема была решена «творчески». На экране мелькнула чья-то рука с председательским молотком, опустившая этот молоток в последнем ударе в Женеве.

Видимо, заранее задуманный сценарий предусматривал какой-то иной вариант концовки женевского марафона. В жизни случилось иначе. «Ну и что же из этого? — решил кто-то. — Пусть будет хуже для фактов».

Еще один штрих к профессии дипломата.

* * *

В московском аэропорту возвращающуюся делегацию встретил А. Ковалев. Он поведал о невероятной толчее в Москве и в МИДе, в частности, вокруг формирования состава делегации для поездки в Хельсинки по случаю подписания там Заключительного акта.

Самые ярые противники Общеввропейского совещания, принципиальнейшие из принципиальных в твердости по отношению к Западу, кондовейшие из кондовых в области идеологии, спешили теперь покрасоваться в финской столице, чтобы говорить: «И я там был!» По словам А. Ковалева, ни меня, ни Менделевича в списках не оказалось. Объяснение было простым: «А чего им там делать?» Как будто в Хельсинки вообще у кого-либо была работа, кроме Л. Брежнева, которому надлежало произнести речь и поставить подпись под Заключительным актом. Будем, однако, справедливы: как сказал А. Ковалев, он добился, чтобы в Хельсинки мы с Львом Исаковичем были. Пребывание там было очень кратким, и в один из дней меня пригласил отобедать с ним А. А. Громыко. Значит, не все считали, что нам нечего было там делать.

* * *

Отдавал ли себе Л. Брежнев в полной мере отчет в том, что за документ он подписывает в Хельсинки? Смеем утверждать, что нет. Я не ставлю вопрос о том, прочитал ли он весь стостраничный текст Заключительного акта. Думаю, что не так много людей, которые действительно проштудировали его от корки до корки. Дело не в этом еще и потому, что строго формально Заключительный акт весьма сбалансированный документ. Рядом со смелыми положениями соседствуют и необходимые противовесы. Так, если в нем сформулирован принцип уважения прав человека и основных свобод, то имеется и принцип невмешательства во внутренние дела. Наряду с принципом нерушимости границ, в нем записан и принцип самоопределения народов и т. д. Однако своим основным содержанием, духом и общей направленностью Заключительный акт провозглашал эпоху открытости государств, подписавших его, и если говорить о перестройке международных отношений, то она началась именно с его разработки и одобрения.

Адекватным ответом на этот брошенный в Хельсинки вызов времени мог быть только поворот в сторону реформ в Советском Союзе. Мы знаем, что этого не произошло. Напротив, руководством Советского Союза была принята оборонительная стратегия в отношении проблем гуманитарного характера, которые приобретали все возрастающее значение для умонастроений людей. Это сказывалось на ведении международных дел. Так, когда при подготовке поездки В. Жискара д'Эстена в СССР осенью того же 1975 года я поставил вопрос о том, чтобы одной из тем разговоров с ним, а также итоговых документов визита, стала тема осуществления Заключительного акта, я получил замечание с лаконичным обо-

снованием: это не наша повестка дня. В неизмеримо большей степени эта тематика рассматривалась как чуждая внутреннему развитию Советского Союза.

* * *

Что же представляла собой вообще политика разрядки? Какого рода явлением она была?

Способна ли она была коренным образом изменить характер отношений между Востоком и Западом, положив конец холодной войне?

Или же представляла собой лишь новую тактику в борьбе между соперничающими группировками?

Примерно такие вопросы лежали в основе дискуссии вокруг политики разрядки после подписания Хельсинкского Заключительного акта.

Это был спор не просто о внешней политике стран. Ответ на возникшие вопросы следовало искать в плоскости готовности и способности наиболее крупных держав мира, и прежде всего Советского Союза и США, к пересмотру всей их стратегической линии поведения, что требовало преобразований с глубокими последствиями для жизни этих стран.

Непримиримые силы в США окрестили Хельсинки новым Мюнхеном, капитуляцией перед Советским Союзом. Они требовали упразднить сам термин «разрядка», поскольку он сбивает с толку.

Люди ортодоксальных настроений у нас исходили из того, что к разрядке и вообще к нормальному общению с миром Советский Союз не готов, не делая при этом вывода даже о том, как к этому следовало бы готовиться...

Не найти решения возникшей проблемы — значило обречь мировую политику в лучшем случае на застой, в худшем — на новую вспышку конфронтации, как тот огонь, который возгорается из не до конца залитого костра. Сегодня мы знаем, каким путем пошли дела, но не об этом идет речь в этой книге.

Так или иначе, политика разрядки и без четких ответов на коренные вопросы оставалась провозглашенной политикой нашего государства, и для дипломатической работы возникал практический вопрос, как следовало действовать дальше в рамках заявленного курса. В частности, передо мной стоял вопрос, как может быть использован в этих целях фактор советско-французского сотрудничества? Если стремиться использовать советско-французское сотрудничество для движения вперед, то какой следующий шаг можно и нужно было бы предпринять? В полной мере этот вопрос встал, когда министр поручил мне подготовку визита Л. Брежнева во Францию в июне 1977 года.

Я предложил ему тогда выдвинуть перед французами идею разработки в качестве главного итогового документа визита заявления, полностью посвященного возможному содержанию политики разрядки. Я исходил из того, что выявленные таким образом совпадающие элементы могли бы помочь наполнить понятие разрядки предметным содержанием, что и вело бы к раскрытию смысла этой политики. А. А. Громыко согласился, но, отдавая себе отчет в сложности и даже рискованности предприятия, решил, прежде чем что-то предлагать руководству, отправить меня в Париж для зондирования настроений там по этому поводу. Встретили в Париже меня хорошо. В первый же вечер директор политдепартамента на Кэ д'Орсе, мой давний знакомый Жак Андреани⁹ пригласил меня в оперу, где я и поделился с ним замыслом. Я, конечно, не мог рассчитывать на четкую реакцию: в каждом государстве имеется свое руководство, своя «инстанция», без решения которой работник аппарата действовать не может. Но Андреани выслушал меня со вниманием, задав уточняющие вопросы. Одним словом, можно было понять, что он встретил идею с интересом.

Но я счел это недостаточным и добился приема у генерального секретаря Елисейского дворца, благо основание было серьезным: Л. Брежневу предстояло быть гостем его прямого начальника — президента Франции. Кабинет руководителя администрации президента — это не фойе Гран Опера, в изложении идеи я был четок, а сквозь даже более рафинированное, чем у Андреани, поведение собеседника я, тем не менее, почувствовал, что отторжения предложения нет, скорее, есть позитивное его восприятие. Об этом мне говорил весь мой многолетний опыт общения с французскими партнерами. Я все отписал в Москву и прямо из Парижа внес предложение о разработке и передаче французам проекта соответствующего документа. Посол С. В. Червоненко меня поддержал.

В Москве А. А. Громыко предложил идею на рассмотрение Л. Брежнева. Тот одобрил.

Встал вопрос о разработке текста для передачи французам. Тут начались терзания. Требовалось охватить много проблем как концептуального характера, так и конкретных, составляющих основное содержание международной политики, от разоружения до прав человека. Это вело к необходимости многочисленных согласований, и по пути движения проекта мои заготовки шлифовались, как телеграфный столб. Что же касается американистов, а они в мидовском аппарате были едва ли не столь же влиятельны, как США в мире, то они вообще ворчали: «опять вы со своими французами отвлекаете от дел».

Дни уходили. Вскоре в Москву для подготовки визита должен был прибыть министр иностранных дел Франции Л. де Гиренго, а передавать французам было нечего: бумага все еще не доехала до стола министра. Наконец, она к нему попала, но ценой включения в нее ряда жестких формулировок и вымывания гуманитарной проблематики. А. А. Громыко ее утвердил, С. В. Червоненко срочно передал проект на Кэ д'Орсе и вскоре сообщил в Москву высказанную ему лично реакцию французского министра: мы ни о каком документе о разрядке не слышали и слышать не хотим.

Со скоростью, близкой к той, с которой телеграмма летела из Парижа в Москву, я оказался «на ковре» в кабинете министра. А. Громыко с трудом сдерживал раздражение. Вернее, сдерживал ли... Он не ставил под сомнение то, что я написал из Парижа, но бросил упрек, что я вышел во время поездки в Париж не на тех людей, то есть разговаривал не с теми, голос которых был достаточно значимым для понимания настроений во французской столице. Его, конечно, беспокоило то, что он уже сделал предложение генсеку и там идея понравилась, а теперь она оказывалась отвергнутой французами.

— Лучше сделать больше, чем обещаешь, чем не выполнить то, что пообещал, — бросил министр, и как истина общего характера это, конечно, было справедливо.

Я стоял на своем, утверждал, что речь идет хоть и об очень крупном, но все-таки лишь приеме в дипломатическом торге, который затевают французы вокруг содержания возможного документа. Борьба только начинается, и ее стоит продолжить.

Но приказывает министр, и я получил указание подготовить Л. Брежневу записку, в которой документ о разрядке снимался из числа ожидаемых в результате его визита. Записка была тут же подписана, а мне оставалось отправиться восвояси.

Прилетел Л. де Гиренго. С ним и Андреани. После встречи во Внуково я пригласил его в свою машину. Он всю дорогу просидел с каменной физиономией. Даже о погоде разговаривал с опаской. В таких условиях я предпочел не вспоминать о документе о разрядке, чтобы не испортить дело вконец.

Министры уселись в особняке на улице Алексея Толстого за круглый стол¹⁰. Я тоже там. Разговор о том, какие документы готовить к визиту. Насчет документа о разрядке французы не говорят ни слова. У меня неотступный вопрос: вспомнит ли о нем сам А. Громыко? Ведь он теперь свободен от обязательств перед Л. Брежневым и может решить не усложнять жизнь. Чем больше уходит времени, тем больше напряжение. Но вот вспомнил! Хорошо! Спросил. Гиренго небрежно ответил: не видим необходимости.

Продолжит ли настаивать наш министр? Ведь следующее его слово будет означать начало борьбы.

Продолжил. Мягко пояснил выгоды задуманной акции.

Француз свое: нет.

Что же, конец? Нет, Громыко продолжает:

— Мы вам передали проект. Скажите, вам что, сама идея не подходит или, может быть, есть какие-то соображения по проекту?

И вдруг Гиренго просит Андреани дать ему проект.

У меня гора с плеч. Дипломат, потянувшийся к бумаге, согласился на переговоры, а значит, договоренность возможна.

— Ну, вот, например, — бросает Гиренго, — вы пишете...

— Так это можно изменить, — говорит А. Громыко.

— А вот еще это... Что это значит? — спешит набрать очки француз.

— Давайте подумаем и над этим, — отвечает министр. — Что еще?..

Итог: Андреани не улетел с Гиренго в Париж. Его оставили в Москве. Днем и ночью мы провели с ним 60 часов, скрипя перьями, да и не только перьями. У каждого за спиной был весьма требовательный тыл, и это делало разговор непростым. И об одном, и о другом можно было сказать: какой же он трудный переговорщик!

22 июня в Париже руководители двух стран подписали Совместное заявление Советского Союза и Франции о разрядке международной напряженности.

На следующий день перед выездом в аэропорт для отлета в Москву А. А. Громыко пригласил меня на утренний завтрак в отведенную ему комнату в башне замка Рамбуйе. Жест с его стороны редкий. Он пил кофе, я чай. Разговор был обо всем и ни о чем: то об истории Франции, то что-то из нашей истории. О чем еще можно было говорить, когда одна забота позади, а новые появятся только по возвращении в Москву. И когда надо как-то мягко заглазить шероховатость, которую в общем-то можно было и не создавать, хотя дипломаты такие же люди, как и все, с нервами...

Как ставился вопрос о разрядке в Совместном заявлении, о котором идет речь?

Общая цель состояла в том, чтобы придать ей универсальный характер как с точки зрения охвата областей международного общения, так и с географической точки зрения.

Разрядка политическая должна была быть дополнена военной, в связи с чем говорилось о необходимости принятия «решительных инициатив» в направлении разоружения.

Прямо указывалось на то, чтобы развитию духа разрядки не препятствовали соображения блоковой политики.

В специальном положении документа говорилось об уважении «прав человека и основных свобод».

В интересах прекращения локальных войн и конфликтов был поставлен вопрос о необходимости соизмерения с потребностями разрядки действий государств в отношении других государств и во всех районах земного шара.

Заявление исходило из общей посылки о необходимости солидарности государств и народов мира перед лицом угрожающих им опасностей, предполагало проведение в жизнь Заключительного акта в Хельсинки и всех заложенных в нем принципов взаимоотношений государств.

Это Советско-французское заявление — первый двусторонний международный документ, полностью посвященный раскрытию понятия разрядки, приобрел характер стимулирующего фактора в международной жизни. Осенью того же года Советский Союз поставил вопрос об углублении и упрочении разрядки напряженности и предотвращении опасности ядерной войны на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Один из двух внесенных Советским Союзом в рамках этого вопроса проектов документов опирался на Совместное заявление Советского Союза и Франции о разрядке международной напряженности. Этот проект был встречен с интересом. Делегация Франции поддержала его. На его основе Генеральная Ассамблея приняла Декларацию об углублении и упрочении разрядки международной напряженности.

* * *

Активная политика Советского Союза на европейском направлении при предпочтительном развитии сотрудничества с Францией приносила существенные положительные результаты, превращала их в двигатель, дававший импульсы изменения к лучшему в международном плане в целом. Вместе с тем Европа продолжала оставаться главным узлом противоречий в противостоянии между Востоком и Западом. Именно там были сконцентрированы в непосредственном соприкосновении огромные вооруженные силы противостоящих военно-политических группировок. Дальнейшее сближение Советского Союза с Западной Европой требовало еще большего внимания руководства страны к этому внешнеполитическому направлению и таких практических шагов, которые способствовали бы преодолению укоренившихся в общественном мнении западноевропейских стран страхов перед непредсказуемым гигантом на бескрайних евразийских просторах. Это означало, в частности, необходимость масштабных инициатив в области разоружения, которые несли бы европейскому континенту разрядку в военной сфере.

Вместе с тем события, как известно, приняли другой оборот. В 1978 году внимание советского руководства во все большей степени замыкалось на отношениях с Соединенными Штатами Америки. Удельный вес западноевропейского, и в частности французского, направления снижался. Отдавая себе отчет в важности диалога с США, я тем не менее считал такое смещение акцентов неоправданным и использовал все свои возможности для того, чтобы не допускать снижения активности в нашей европейской политике. Свои взгляды я изложил в срочно подготовленной диссертации об опыте сотрудничества между СССР и Францией, по которой была издана книга. Сложностей для меня мои действия порождали немало, что же касается решений насчет ориентации внешней политики Советского Союза, то они принимались не на тех уровнях, которые были мне доступны. Эти обстоятельства привели меня к решению сменить работу в центральном аппарате МИДа и выехать в октябре 1978 года за границу в качестве посла в Испании, где я оставался до времен перестройки, когда весной 1986 года был назначен на работу в США.

Что последовало в европейской политике дальше, известно. Произошло непосредственное вовлечение Европы в гонку ракетно-ядерных вооружений. Развертывание наших современных ракет средней дальности СС-20, нацеленных на объекты в Западной Европе, ничего кроме ущерба в плане глобального военного противостояния с США Советскому Союзу не принесло. Американские ракеты этого же класса, установленные в Западной Европе, будучи способными в считанные минуты достичь жизненно важных центров СССР, практически превратились в этих условиях в руках США в оружие стратегическое. Вместо военной разрядки Западная Европа получила обостренное ощущение все большего ее превращения в ракетно-ядерный полигон.

Вскоре пришел и Афганистан. Все это серьезно осложняло нашу политику в отношении западноевропейских стран, вело к растрате ранее накопленного капитала.

Застой в жизни Советского Союза в целом склерозировал и его внешнюю политику. Для преодоления такого положения необходимы были изменения, и изменения радикальные.

